

A white paper airplane silhouette is shown in flight against a dark, cloudy sky. The tail of the airplane features a circular postmark with the text "ПОЧТА РОССИИ" (Russian Post) and the number "1410". The background is a night cityscape with warm, glowing lights from buildings and streets, creating a hazy, atmospheric effect. The overall color palette is dominated by dark blues and greys, contrasted with the warm oranges and yellows of the city lights.

Галина Луч
Письма
к Богу

12+

Галина Луч
Письма к Богу

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Луч Г.

Письма к Богу / Г. Луч — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Однажды размеренную, сонную жизнь почтового отделения в одном из провинциальных городков России нарушило необычное письмо. Письмо к Богу... "Боженька, помоги моей мамочке и верни папу. Мы его простим!" - умолял мальчишка. Горе неизвестного ребенка заставило всех работников почты заглянуть в себя, задуматься о своих нравственных принципах, переосмыслить их. Они проходят сложный путь от суетной и не всегда праведной жизни без Бога к вере и Церкви, к радикальному изменению своего бытия.

© Луч Г., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14	28
Глава 15	29
Глава 16	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Небо заволокло серой пеленой. Дождик накрапывал тихо, стараясь не разбудить спящих людей, задерживая прелести ночи и продлевая ее воздействие.

Все могут поспать подольше в субботнее утро, и небеса постарались, создав особую атмосферу. Дождик, серость, сырость – это не плохо и не хорошо, это нормально. Небольшой городок на берегу Волги погрузился в пучину атмосферного фронта непогоды и сонливости. «Спите! – природа поет свою колыбельную песню. – Отдыхайте после трудовой недели».

Лиза нехотя вышла из подъезда, открыла зонтик и, съёжившись от утренней прохлады, отправилась по пустынной улице к себе на почту. Работать совершенно не хотелось. Перепрыгивая через лужицы, она ворчала на все вокруг: "Ну и утро, лужи сплошные, прыгай тут. Чего смотришь, не нравлюсь? Ты мне тоже не нравишься, – гаркнула она на ворону, подлетевшую к ней совсем близко за грязным, размокшим, непонятого происхождения кусочком, валявшимся на дороге. – Тьфу ты... Собираете разную дрянь. А говорят, что вы умные птицы. Раз, умные, чего падаль-то жрете?"

Лизу догнал Петр Васильевич Петренко, управляющий почтой, единственный мужчина в их женском коллективе, не считая сторожа Степана.

– Чего ворчишь, Лизавета?

– Ой, Петр Васильевич, а я вас не заметила, – вздрогнула она.

– Так чего недовольная с утра пораньше? На работу, как на праздник, идти надо. Я тебе приказываю плохое настроение дома оставлять.

– А дома мать не велит в плохом настроении пребывать. И чего мне делать прикажете? Куда я его, а? Оно же вот тут застряло, – она ударила себя в грудь.

– Лизавета, не хандри, тебе всего-навсего тридцать скоро стукнет. Вся жизнь впереди. Молодая, симпатичная... Я вон с одной ногой ковыляю по жизни, и возраст уже...

– Да ладно уж вам, Вы же мужчина.

– На пенсию скоро, и то не унываю, – они свернули налево. – Вот и почта наша родная. Запомни, настроения – это голова наша.

– А вы что, без машины?

– Да, сломалась старушка. Завтра разберусь.

Петр Васильевич хромая поднялся по ступенькам и нажал звонок. Дверь тут же открылась, и сторож Степан, зевая, впустил сотрудников.

– Ну и погода... спать хочется, – он зашаркал в маленькую комнатенку отдыха и поставил чайник. – Васильевич, чайку может?

– Да я же только из дома. Вон Лизавету напои, настроение, может, поднимется.

– Да, чаем здесь не поможешь, в девках пересидела. А ну, пошла прочь, – закричал он на кошку Маруську, которая прыгнула прямо на стол и подняла хвост трубой.

– Степан, ты Маруську избаловал. Раньше она у нас по столам не шастала. Выговор получишь. Валентина пришла?

– Да, в подсобке разбирает. А я чашку выпью, чего-то слабость какая-то. Старость не радость. А кошка – она же гуляет сама по себе, ей никто не хозяин.

В комнатку вплыла уборщица тетя Валя, заняв собой почти всё пространство. Она смотрелась статно, величаво, несла себя как царицу. Преклонный возраст и излишняя полнота несколько не сказались на её осанке.

– Здравствуй, Васильевич. Чего с Лизой-то? Как бешеная.

– Здравствуй, Валентина. А где она?

– Да письма из ящиков достает. Я ей "здрасьте", а она даже головы не повернула, – тётя Валя уселась на единственное кресло и вытянула ноги. – Болят окаянные. Я ей в матери гожусь, а она морду воротит, аль с уборщицами и здороваться не обязательно?

– Валентина, ну ты же знаешь, что Лиза тебя очень уважает, ну такое настроение сегодня.

– Ты, Васильевич, не защищай, а воспитывай.

В дверь заглянула Светлана.

– Ах, вот вы где.

– Заходи, – повелительно произнесла тетя Валя. – Чай будешь?

Повиливая бедрами, облачёнными в коротенькую юбку, Светлана прошла к столу и, бросив небрежно сумочку, достала себе чашку из шкафа.

– Светка, ты, конечно, у нас барышня красивая, чего уж там, блондинистая, вон как волосы кучерявятся, и возраст хорош. Тридцать пять – это еще не ягодка, а цветочек, но уж слишком юбку короткую одела. У твоего сына, небось, подружки такие носят, а ты все же мать.

– Ох, тетя Валь, хочется еще похорохориться. Сама говоришь, цветочек.

– Так юбкой мужиков не удивишь. Сейчас вон и пузо, и зады у всех наружу, и никаких удивлений, иногда даже омерзение. Это я тебе как мужик говорю. – Петр Васильевич насыпал себе в чашку кофе и залил кипятком. Комната наполнилась ароматом.

– Валентина, тебе чего? Чай? Кофе?

– Ты начальник, Васильевич, тебе не положено разливать. Степан уснул, что ли? Ой, даже не знаю, что выпить: и кофейку хочется, да нельзя мне. А, ладно, давай кофе наливай.

– Вот видишь, тетя Валя, нельзя, а хочется. Вот и мне, вроде возраст уже не позволяет, а хочется. – Устроившись за столом и сложив ногу на ногу, Света достала зеркальце и помаду.

Хлопнула входная дверь. Петр Васильевич посмотрел на часы:

– Вера Петровна пришла. Ей дольше всех добираться, замерзла, небось. Степан, наливай чай, согреть будем.

– Здравствуйте. Ну и непогода, – потирая руки, Вера Петровна прошла в дальний уголок и пристроилась на табуретке. – Это мне, Степан?

– Да, моя королева.

– Хватит тебе издеваться.

– А я и не издеваюсь. Ты для меня, Верочка, эталон женщины. Ты и Валечка наша.

– А ну, с этого момента поподробнее. Может, и я уму-разуму научусь, – Света взяла со стола конфету и манерно стала ее разворачивать.

– Ну, я говорить красиво не умею, – начал Степан. – Во-первых, в сорок восемь лет ее хочется называть Верочкой. Вот ты, например, как конфету разворачиваешь. А? Сразу видно – на публику работаешь, а она естественная во всем. Во-вторых, при всех ее проблемах – всегда мягкая, отзывчивая, спокойная. В-третьих, при такой-то зарплате и так со вкусом одеваться не каждый сможет. А уж про Валентину и говорить нечего, царица и все!

– Вот поэтому-то и живу одна, – Вера Петровна смутилась и чуть не разлила чай.

– Да ты просто замуж не хочешь. Был бы я хотя бы лет на десять моложе, уж я бы тебя измором взял, – Степан заботливо пододвинул обогреватель к ногам Веры.

– Кто бы меня измором взял, – вздохнула Светка.

– У вас есть еще пятнадцать минут – и за работу, – поднимаясь со стула, сказал Петр Васильевич.

В комнату влетела Лиза, держа в руке конверт. В её больших голубых глазах застыло несвойственное ей удивление.

– Вот письмо...

– Мне, что ли, – удивился Петр Васильевич, беря у нее из рук белый конверт с множеством марок. – Ух, ты, разукрасили, видать далеко посылали.

– К Богу, – выпалила Лиза.

– Ты чего говоришь-то, Лизавета, – вертя в руках конверт, Петр Васильевич никак не мог найти адрес.

– Так вот написано: «Письмо Богу».

Действительно, среди марок было аккуратно выведено печатными буквами «Письмо Богу» без обратного адреса. Всем захотелось взглянуть на необычный конверт. Когда все успокоились, тетя Валя забрала послание из рук шефа.

– Вот дожили! К нам на почту письма для Бога стали приносить. Вот это шуточки.

– И куда его теперь отправлять? Не на небо же? – тихо спросила Лиза.

– Да, наверное, это чья-то шутка, – вырвав письмо их рук тети Вали, Света взяла ножницы и стала надрезать конверт.

– Стой, подожди, мы не имеем права. Так нельзя, – взволновано вскочила с места Вера Петровна.

– Ты что, Веруня, куда его? – растерялась Светка.

– Вскрывай! – приказала тетя Валя.

– Ну что, Петр Васильевич, с ним делать?

Он присел на стул, почесывая лысеющую голову.

– Ну, конечно же, чья-то шутка. Отправить мы его не сможем ни адресату, ни отправителю. Или выбрасываем, или вскрываем.

– Да вскрывай, давай, Светик. Интересно же, что там, – сказал Степан.

Света быстро открыла конверт, достав листок, сложенный пополам, и протянула Лизе.

– На, читай, я без очков не вижу.

Лизавета развернула лист бумаги.

– Детский почерк, ребёнок, наверное, пишет.

– Читай, – скомандовал Петр Васильевич.

«Дорогой Боженька, я не знаю, где ты живешь, и не знаю, дойдет ли до тебя мое письмо, но очень хочется тебе кое-что сказать и попросить. Тетя Лида всегда говорит: «Бог поможет». Боженька, миленький, у нас папка к другой тете ушел. Мамка плачет все время. Сестренка совсем маленькая, ей два годика. Боженька, почему папы бросают своих детей? У Ваньки тоже папка ушел, когда ему было три года. Боженька, ведь так не должно быть. Они все-таки нам папы, они родили нас. Как маму успокоить, я не знаю. Она курить стала. Дома нехорошо. Боженька, почему взрослые любят врать? И врут, и врут, папа врал, пока не ушел. Мама сейчас накурится, а мне говорит, что курить вредно. А зачем тогда сама курит, если вредно? В школе тоже все врут, я это чувствую, хоть всего и учусь мало. Боженька, помоги моей мамочке и верни папу. Мы его простим. Спасибо тебе большое. До свидания».

Лиза протянула листок Петру Васильевичу. В комнате стояла тишина. Дождик резко усилился, набирая темп. С этого хмурого неприветливого утра и необычного письма началась интересная история маленькой провинциальной почты и её небольшого коллектива. История, сумевшая выйти за пределы и повлиять на многие сердца, не оставив равнодушным никого в округе.

Глава 2

Лиза открыла дверь своей квартиры и, бросив зонт в сторону, громко крикнула:

– Мам, это я.

Мать сидела в инвалидном кресле на кухне у окна. Седые пряди торчали в беспорядке. Было видно, что расчёска давно не гуляла по волосам, дав им вольное существование.

– Ясно, что ты, кто же еще, – прошипела она.

– Мам, я тебе гранатик купила и немного яблок, – Лиза поставила сумку на стол и краем глаза следила за матерью, которая, отъехав от окна, направила свой транспорт вон из кухни.

– На фиг мне твои гранатики. Деньги только переводишь. Мне бы в могилу быстрее.

– Мам, ну что ты говоришь?..

– Мне твои яблоки не нужны. Какая в них польза, весной-то. Вот когда молодые пойдут, тогда и покупай.

Проезжая мимо стола, она взяла яблоко и понюхала:

– Одна химия. Вон как наполировали, на новогоднюю елку можно вешать, сволочи. Травят нас, как тараканов. Сигареты купила?

– Купила. Между прочим, сигареты тоже яд, да еще какой. Тебе ничем не угодишь, чтобы не сделала – все плохо.

– А чего хорошего-то – в коляске по дому гонять?

– Ну, я же не виновата, что ты себя довела до инвалидности, – немного повысив голос, сказала Лиза, и тут же пожалела об этом.

– Не кричи на мать. Не виновата она. А кормить, поить, учить, одевать вас надо было на что, а? Отец-то палец о палец не ударил. Одна всё тащила.

Лиза, не снимая куртки, села за стол и грустно посмотрела на мать, на ее до боли родные руки, которые когда-то ее гладили и дарили, пусть маленькие, но подарочки: «Мама, мамочка, где ты та, которая умела улыбаться».

Мать развернула свою коляску в сторону дочери и зло посмотрела на нее.

– Что, сказать нечего?

– И что мне теперь сделать, чтобы вину свою снять перед тобой. Ну, прости, что я у тебя родилась, и Только прости, – слезы покатались по Лизинам бледным щекам. В груди стоял ком боли и безысходности. Радости она не испытывала уже давно. Да! Радость можно потерять, как потерять что угодно: девственность, честь, ум и так до бесконечности, пока не превратишься в нечто нечеловеческое. Слезы текли сами собой, как уже привычный ритуал, без них не проходило ни одного дня.

– Ну ладно, ладно, доченька, успокойся, я ведь не со зла.

– А с чего? Каждый день одно и то же.

– Жизнь такая собачья, – она достала сигарету и, прикурив, глубоко затянулась.

– Крыша над головой есть, еда тоже. Я тебе во всем помогаю, Толик не забывает. Думать теперь о душе надо.

– Похоронить быстрее хочешь. Конечно, я тебе мешаю. Вот придешь как-нибудь, а меня нету. Я вниз головой с балкона. О душе заговорила.

– Ох, мама, мама, – Лиза, тяжело вздохнув, встала с табурета и поплелась в коридор раздеваться. – Разве только перед смертью о душе думать надо. Если бы мы все о ней каждый день думали, наверное, все по-другому сложилось бы. Устала я очень.

– Прости меня, доченька, говорю чушь всякую. Иди, поешь, я вон картошки натушила.

– Где? На плите пусто.

– Да вон в одеялко закутала, чтобы не остыла.

Лиза помыла руки, наложила себе картошки с овощами и поймала себя на мысли, что есть-то совсем не хочется.

- Мам, нам на почту письмо опустили для Бога.
- Да ты что? Это надо же, а кто?
- Мальчик какой-то, а мы прочитали вместо Бога.
- Небось, просил, чтобы отец вернулся?
- А ты откуда знаешь? – удивилась Лиза.
- Знаю, дочка, знаю. Ладно, поехала я восвояси кино свое смотреть.

Лиза нехотя поковыряла картошку, выбрав из нее овощи, и заварила себе кофе. Она любила аромат темного напитка и с наслаждением пила, смакуя каждый глоток: «Господи как вкусно, как мне нравится. Пусть вредно, но как вкусно».

На улице стемнело, зажглись огоньки, а она допивала вторую чашку, размышляя о жизни: "Скоро тридцать! Молодость, безрассудство, беспечность - все осталось где-то там, в далёком прошлом. Как быстро пролетает время, унося с собой радость и горе, смех и радость... А я философ", – усмехнулась Лиза и вспомнила свою первую любовь. Класс, парта, он, взгляды, записочки, учащённое сердцебиение, крики «тили-тили тесто жених и невеста» – стандартный набор незабываемых эмоций. Перед Лизой чётко, ярко возник тот день, с которого начался новый поворот в её судьбе: она набивала рюкзак всякой всячиной, а Толик сидел за столом и наворачивал жареную картошку с солеными огурцами.

– Ты, Лизка, ерунду-то не бери. Вот зачем тебе игрушка? Ты едешь экзамены сдавать, посерьезнее надо быть.

Лиза прижала к себе зайца Тему, и в этот момент раздался телефонный звонок.

- Это меня, меня, – закричала Лиза. – Это Борька.
- Брат замер с трубкой в руках, а в глазах появился ужас.
- Ты чего, Толь, а? Что с тобой?
- Нашу маму парализовало.

На улице кто-то выпустил петарду, вернув Лизу из прошлого в настоящее, она тяжело поднялась и, поставив чашку в раковину, горестно подумала:

«Борька, Борька, как ты там, в столице нашей. Ты ведь теперь бизнесмен, у тебя жена, ребёнок, а у меня ничего. Если бы мы вместе уехали сдавать экзамены, наверное, всё было бы по-другому. Господи, ведь я тогда к тебе не обратилась. Я вообще о тебе не думала»

Глава 3

Вера Петровна стонала, мечась во сне, подминая под себя простынь, и, наконец, проснулась.

«Господи, опять этот сон», – уткнувшись в подушку, она зарыдала сильно и безутешно. Одеяло сползло на пол, открыв скорчившееся от боли тело. Вера резко встала, накинула на ночную рубашку пальто и выскочила на улицу.

Она жила на окраине города в частном секторе. Свою уютную двухкомнатную квартиру Вера обменяла на маленький домик на берегу Волги. Она не могла находиться в пустой квартире одна, ей всегда надо было чем-то занимать свое свободное время. За городом Вера Петровна разводила цветы, занималась огородом, красила забор и все, что попадалось под руку, а к вечеру ее сердце начинало сжиматься от страха. Ночью она опять увидит все заново во всех деталях со всей раздражающей душу болью. Ох уж эти сны.

Вера спустилась к реке и села на скамеечку. На улице было прохладно и сыро, дул сильный ветер с запахом гари и дыма.

«Господи, помоги, – кричало сердце. – Помоги! Ведь кто-то теряет память, забывая все, но почему не я», – думала она.

– Господи, помоги. Помоги! – голос вырвался из ее души и понесся ввысь к адресату.

– Теть Вер, что с вами? – услышала она голосок из соседней беседки.

– Варя? Ты почему не спишь?

К ней подошла соседская девочка – подросток, укутанная в одеяло.

– Да не спится... Что с вами? – Варя примостилась рядом на скамеечке.

– Сон страшный видела. А с тобой что произошло?

– Да мамка пьяная, кричит, песни поет. Сейчас вроде угомонилась.

– Варь, а брат как же? Сколько ему.

– Восемь лет. Он укроется с головой и спит, а я не могу.

– А тебе сколько?

– Пятнадцать будет... А что за сон-то видели?

Вере Петровне вдруг очень захотелось рассказать Варьке все о своем горе. Такое желание у неё появлялось крайне редко. Многие даже и не подозревали, что она пережила в своей жизни. И когда люди жаловались, страдали, растрчивая свои жизненные силы по пустякам, ей было обидно за них. «Глупые, – думала она. – Это ведь просто жизнь, самая простая жизнь... Неприятности, проблемы, а потом радости и опять проблемы... Ведь судьба ни у кого не бывает только гладкой, надо всегда что-то преодолевать. Иначе жить не интересно».

– Знаешь что, Варька, пошли ко мне, я тебя чаем напою и расскажу свой сон.

Они сидели за круглым столом. Ночник освещал только чашки, варенье, вазочку с конфетами и простой семейный альбом.

– У меня, Варя, был прекрасный муж Евгений и сын Антошка. Мы жили очень дружно. Я любила своих мужчин, как только могла любить. Не буду ворошить прошлое... Больно... Просто Женя погиб, спасая какую-то девчонку от озверевших подростков. Антону было двенадцать лет. Мы пережили это горе вместе, поддерживая друг друга, а через три года, когда моему мальчику исполнилось пятнадцать, как тебе сейчас, он заболел. – Вера дрожащей рукой взяла чашку и сделала глоток. – Он заболел неизлечимой болезнью. Если проще – рак костей. Два года больниц, сильнейших болей и – конец.

В комнате возникла тишина, отблески от лампы искорками разлетались по мебели, создавая особую обстановку.

– Ночью я часто возвращаюсь в прошлое, в то ужасное время. Он стонет, ему больно двигаться, болит все: каждый позвонок, каждая клеточка. Его голос звучит у меня в голове постоянно: «Мама, мамочка, ну, сделай что-нибудь, мне больно», – потом помолчит и опять просьбы о помощи. Я кричу, зову доктора. Сестра делает укол в исхудавшую безжизненную руку, и Антон затихает. Ему становится легче"

Вера Петровна замолкает. Молчит и Варя, понимая, как трудно говорить о смерти. Последние минуты жизни сына Вера Петровна помнит до мелочей, до той секунды, когда всё померкло, потускнело и потеряло смысл. Она закрыла лицо руками и опять услышала его предсмертные слова: «Не плачь, мамочка. Я там с папой встречу. Я знаю, мы будем вместе, а потом и ты к нам придеешь. Я часто с папой во сне разговариваю.

– Антошка, не говори так. Ты еще поживешь.

– Мам, помнишь, вы мне медведя смешного подарили?

– Да, сынок, помню.

– А где он?

– Дома в шкафу. Я его убрала, чтобы не запылелся.

– Принеси его сюда, ладно?

– Конечно, сынок, принесу.

Вдруг лицо сына как-то напряглось.

– Мама, мамочка, я тебя люблю. Ты только ничего не бойся, мне кажется, я...

– Антошке моему плохо, сыночку моему родному, помогите, – её крик перешёл в шепот. – Помогите, прошу Вас.»

У Веры машинально сжалась кисть. Память чётко выдала картинки из прошлого. Её руки и кулачки сына сплелись прочно в прощальном пожатии, спазм, как замок, защёлкнул последние прикосновения живого и мёртвого.

Наконец, она очнулась от своих воспоминаний. Ветер разогнал на небе тучи, и лунный свет проник в комнату. Вера Петровна вытерла слезы и протянула салфетки плачущей Варьке.

– Вот и снятся мне последние дни его жизни, – она открыла альбом в первый раз за пять лет. – Это мой Антошка.

На них смотрел веселый белобрысый мальчишка, держа в руках смешного пушистого медведя.

Глава 4

За большим столом сидел Петр Васильевич, потирая руки и рассматривая королевское блюдо с дымящейся едой. Сразу начинать есть это произведение поварского искусства было невозможно. Сначала он наслаждался взглядом, изучая все, что его жена положила на самую большую тарелку в доме, и только после внимательного просмотра взялся за инструменты. «Столько лет живем, а Тося не разучилась меня удивлять», – подумал Петр Васильевич.

Запахи, исходящие из их квартиры, будоражили соседей. Они активно начали интересоваться их источниками. Тося научила готовить Галину из 70 квартиры, Лену из 65 и даже Федьку, одинокого волка, живущего за стенкой. А пироги! Пироги с капустой, рисом и яйцами, вареньем и ягодами возбуждали весь подъезд. Про Тосины выпечки слагали легенды. Она щедро угощала желающих очередным произведением кулинарии, устраивая дома чайные церемонии.

Петр Васильевич подцепил на вилку запеченный кусочек тыквы. Тося вплыла в комнату, неся на подносе вазочку с ландышами и чашку ароматного чая.

– Ну, мать, ты даешь! Чай с ландышами! А это что?

– Цукаты.

– И откуда это у тебя?

– Ландыши? Купила сегодня на базаре.

– Да не про цветы я, а про все это, – он обвел взглядом скатерть самобранку. – Мог ли я подумать, когда тебя встретил, что за клад мне достался.

– Только не говори, что я через желудок добивалась любви. Нет, Петенька, у меня все наоборот, это от большой любви к тебе я так самовыражаюсь. Полезная и вкусная пища – это вклад в здоровье.

– Так ведь еще и красота какая! Все со вкусом, с изюминкой, придумкой.

Тося расплылась в улыбке.

– Творить можно везде. Было бы желание, – она уселась за стол, сложив руки, как ученица, с удовольствием глядя на мужа. – Вкусно?

– Еще бы!

– Петя, у меня письмо мальчика из головы не выходит. Дедам Морозам писали, волшебникам, наверное, тоже, а вот Богу, да еще через почту... – Она покачала головой.

– А знаешь, мать, мы в той же ситуации.

– Ты о чем?

– Да о Кольке нашем. Надо сделать все возможное, чтобы сын не ушел из семьи.

– Так ведь Танька непутевая, грязнуля. Вечно бардак в квартире, обедов никогда нет.

Петр Васильевич отодвинул тарелку.

– Ну и что?! Обеда, видите ли, нет. Зато сын есть семи лет. Ты дома сидишь, взяла бы да приготовила всё, что надо.

Тося встала, выпрямилась во весь свой небольшой росток и раздраженно стала приводить аргументы не в пользу своей невестки.

– Вот еще, обед ей готовить! Я за тебя замуж вышла, сама все делала. Работала, чистоту наводила, да еще и Кольку воспитывала. Мне никто не помогал. Никто! Нароботалась за свою жизнь, все, хватит, не зря пенсия предусмотрена.

– Внук ведь наш... Семья.

– Я с Сашкой и в кино, и в театры хожу, и к нам они его привозят, а семья другая сложится, может, и лучше будет.

– Да как у тебя это все легко! Другая... Не должно быть другой! Должно вырасти цельное родовое дерево, именно родовое, а не гнилое, – он встал из-за стола. – Грех бросать своих жен и детей из-за мужской прихоти. Идут как зомби на поводу у одного своего места. Если бы я за этим местом побежал, ты сейчас со мной бы не сидела и с Колькой неизвестно, что было бы.

Тося возмущенно вскочила.

– Ты что, мне изменял? А ну, признавайся! Ведь у тебя ноги нет, инвалид, и все туда же. Изменял?

– Дура ты. Изменял, не изменял. Я говорю, что не за мужскими прихотями идти надо, а за сердцем. Оно вести по жизни должно. Инвалид, видите ли, а бабы, между прочим, на шею вешались. Только я за сердцем шел, – он выскочил из комнаты и хлопнул дверью.

– Но Танька ведь не хозяйственная. Она мне никогда не нравилась, – полетели ему вдогонку слова Тоси.

Петр Васильевич предстал перед женой грозный и нетерпящий никаких возражений.

– У нашего сына есть сын и жена. Он должен жить с ними и в радости, и в горе. Мы должны все предпринять для их примирения.

– А если не получится?

– Значит, плохого сына воспитали, главному не научили.

– Чему?

– Заповедям Божьим.

Глава 5

Плотно зашторенные окна создавали иллюзию ночи. Маленькое бра тускло освещало кровать. Света лежала, глядя в потолок, а у нее на груди примостился Генка – друг, любовник и надежда. Надежда на будущую семейную жизнь. Непонятно только было, скоро или не скоро придет это будущее и придет ли вообще.

Лениво поглаживая Генку по голове, Светлана вспомнила о письме. И голос Лизы зазвучал как наяву: «Боженька, помоги моей мамочке, верни папу».

– Ген, а сколько сейчас лет твоему сыну?

– Восемь, а что?

– Пойду, чайник поставлю.

– Светик, ну подожди еще чуток, разберусь я со своими, обещаю, – он потянул ее обратно в постель. – Потерпи. Все будет хорошо.

– А жена как?

– Да что жена, пилит и пилит. Надоела. То денег мало, то прихожу поздно, то не так, это не так.

– Она ведь, наверное, догадывается, что у тебя кто-то есть?

– Наверное. Я особо и не скрываю.

– Ладно, пойду чай ставить, – вырвавшись из его объятий, она скрылась за дверью.

Стрелки часов приближались к полудню, на кухне засвистел чайник, запахло кофе, час любви остался в прошлом.

– Ген, кушать будешь?

– Нет, Светик, я же дома завтракал. Мне чашку кофе, как всегда, и я на работу, – он посадил ее к себе на колени и обнял.

– Скоро, Светик мой, скоро я к тебе совсем переберусь. Примешь?

– А как же сын?

– Я же его не бросаю и никогда не брошу, буду во всем помогать.

– Мой бывший, наверное, также кому-то говорил, а через несколько месяцев забыл и про Стаса, и про то, что говорил.

– Светочка, ну, пожалуйста, не хандри. Я же тебя люблю.

– А жену?

– Любил...

Входная дверь заскрипела, издав протяжный стон, предупреждая о чьем-то приходе. На кухне появился Стас. Рослый подросток смущенным взглядом оглядел мать и Геннадия.

Света застегнула верхнюю пуговицу коротенького халатика. Геннадий, заёрзав на табурете, встал.

– Ну, что так смотришь, помешал? Отменили два урока алгебры, не на улице же сидеть. Дождь ведь.

– Мне на работу пора. Я тут на минутку забежал чайку выпить.

– Чайку... ага, – Стас саркастически улыбнулся.

– Иди мой руки, голодный, наверное?

Закрыв за Генкой дверь, Светлана поменяла халатик на одежду, более соответствующую кухонным делам, и робко вошла на кухню.

– Мам, он же женат, – в глазах у Стаса можно было увидеть осуждение и неприятие материнского выбора.

– Гена меня любит, и я его.

– Он, небось, и жену любил.

– Много ты понимаешь.

– Много ли, мало ли, но точно знаю, что он предатель, такой же, как мой отец. Это я хорошо понимаю. А ты... ты глупая дура.

Выкрикнув свой текст, он схватил куртку и, выскочив из дома, сильно хлопнул дверью. Светка, молча, достала сигаретку, прикурила, устроившись на табуретке, и замерла, глядя в одну точку.

Глава 6

На улице уже смеркалось, когда тетя Валя добралась до дома. Тяжелый физический труд для 65-летней женщины давал о себе знать. Отёкшие ноги ныли, а руки еле держали сетку с продуктами. Глянув на свои неосвещенные окна, она вздохнула.

– Опять гуляет. Ну, я ей покажу.

Поднявшись к себе на 4 этаж пятиэтажного дома, тетя Валя открыла дверь и увидела курточку и сапоги внучки.

– Дома, слава Богу. Томка, чего впотьмах сидишь, на вот сумку разбери.

Тишина насторожила, быстро раздевшись, она прошла в комнату внучки. Томка лежала на постели, уткнувшись в подушку, и посапывала.

– Том, спишь, что ли? Рановато вроде. Нагнувшись над внучкой, Валентина почувствовала винный запах.

– Это что ж такое, а?! Как от пьяного сапожника разит! А ну, вставай, дрянь эдакая! Где напилась?

Тётя Валя подняла свою двадцатилетнюю внучку, как пушинку, и потащила её в ванную.

– Ба, не надо, я сейчас сама. Я нормальная, – пыталась вставить Томка. Но где там?! Валентина уже мочила ее под струей холодной воды, причитая всякими горячими словцами. Вытерев полотенцем голову, она потащила внучку на кухню и приготовила крепкого чая.

– Ба, мне уже двадцать лет. Я взрослая и имею право на личную жизнь.

– Имеешь право? Хорошо, имей. С завтрашнего дня делай все сама. Жрать готовь, покупай себе продукты, плати за учебу, стирай, убирай за собой.

– Ну, и буду, – Томка поджала губы и вызывающе подняла мокрую голову.

– Давай, давай, иди, вкалывай. Хватит бабке старой горбатиться на трех работах для твоего образования.

Томка опустила глаза. Хмельной задор прошел, оставив после себя неприятный вкус во рту и головную боль, не говоря уже о немилости бабушки.

– Ну ладно, ба, прости, но мне все-таки не пятнадцать, а двадцать лет.

– Томка, мне все равно, сколько тебе лет; пока ты сидишь на моей шее, ты для меня дите. Не понимаю я вас молодых – гулять, пить, спать друг с дружкой – это вы взрослые. Как сейчас говорят, сексуально созрели для забав... А как идти подработать, ответственность за свои поступки нести – это вы еще маленькие. Ты, Томка, еще ни одной копейки не заработала, а все во взрослых играешь. Не забывай, какая у тебя наследственность – отец-то твой спился! Тебе не то что пить, а нюхать нельзя. Внутри протест должен быть против этой гадости. А ты вон... На какие деньги расслабилась, а?

– Угостили. Я не на свои.

– А они на какие деньги? У мамы с папой взяли или, еще хуже, – у бабки какой-нибудь старой, вроде меня.

– Ба, ну какая ты старая? Кровь с молоком... А темперамента на дюжину молодых хватит.

– Не подлизывайся. В общем, так: если еще раз в таком виде домой явишься, стыда не оберешься перед своими собутыльниками. Всем достанется, ты меня знаешь.

– Знаю, – прошептала Томка.

– А теперь иди, спи, глаза мои на тебя не смотрят. Тьфу! Вонница, как из помойной ямы.

Томка поплелась к себе в комнату, а Валентина разобрала сумку, вскипятила чайник, сделала бутерброд с сыром и, наконец, присела. Гудели ноги, спина, но больше всего беспокоила душа, страх за внучку.

Когда ее дочка Наташка вышла замуж за Мишу Одинцова из соседнего дома, Валентина жила уже одна. Она выгнала своего пьяницу – мужа и радовалась жизни, как девчонка. Радиться пришлось недолго. Наталия перебралась к своему мужу в коммуналку и в скором времени родила Томочку. Жизнь у них не заладилась из-за пристрастия Михаила к спиртным напиткам. Внучку принесли к бабушке, а Наташка зажила на два дома, незаметно втянувшись в пьянство. Валентина обратилась к специалистам, и ей доходчиво всё объяснили. Собрав всю информацию, свою материнскую любовь и силу, она отправилась вытаскивать свою дочку из лап дьявола. Крепко досталось зятю, а Наташка отправилась в деревню к бабке, которая отпаивала травами. Дочь вернулась домой, как новенькая. Через полгода снова вышла замуж за приличного парня, родила сына и счастливо зажила в соседнем городке. Томка осталась у бабушки, и вся ответственность за внучку легла на ее плечи.

Валентина ни сколько не сомневалась, что все спиртные напитки от дьявола, и сама не пила ни грамма, считая недопустимым употреблять то, от чего происходит столько бед и несчастий.

На глаза навернулись слёзы. Ей стало жалко Томку, себя и того мальчонку, что написал письмо Богу. «Надо что-то делать, – подумала она. – Только что и как? Ладно, утро вечера мудренее», – выключив везде свет, Валентина улеглась спать, тихонечко вздыхая и ворочаясь с боку на бок.

Глава 7

Степан обошел свою небольшую территорию, проверил замки и разложил раскладушку. В свои 70 лет он был еще хоть куда, несмотря на все сложности жизни. Ночные дежурства приносили ему удовлетворение. «Все при деле, да и коллектив хороший», – думал он, устраиваясь на работу после мебельной фабрики. Утром он с радостью заваривал чай с травками и угощал сотрудников. Торопиться ему было некуда, жил Степан один, а на личной жизни давно поставил жирную точку.

Часто он помогал убирать почту Валентине, которая сыграла в его жизни одну из главных ролей. Дружба их завязалась давным-давно. Он был близким другом ее неродивого муженька Женьки.

Устроившись на раскладушке, Степан еще раз перечитал письмо мальчика и со вздохом положил его на столик. «Жалко малого, ох как жалко. Ведь моему Андрюхе было примерно столько же лет, когда меня посадили. Где он теперь, что с ним?» – мысли потекли одна за другой, возвращая его в страшное прошлое. Стыдно было до сих пор за то, что он сына поменял на разгульную веселую жизнь.

Жене своей он не изменял, но выпить считал своим святым мужским делом. И пил, пока в пьяной драке не убил человека. Сам он ничего не помнил, так как был изрядно пьян. На зоне ему помогла выжить профессия. Он был столяр, плотник от Бога. Видно, то, что от Всевышнего, то и помогает по жизни, а то, что от дьявола, рано или поздно летит под откос.

Жена развелась с ним и уехала со своим новым мужем и Андрюшкой в неизвестном направлении, прося в письме не искать и не компрометировать сына. Он не держал на нее зла и считал, что все правильно, все по заслугам. Спустя несколько лет, выйдя на свободу, он не пытался никого искать, но мечтать о встрече с сыном Степану никто не мог запретить. Жить ему было негде. Родители умерли, не дождавшись его. Старший брат Серега, продав их дом и пасеку, уехал в Москву, так ни разу и не написав Степану письма. Друг Женька лежал в больнице с последней стадией цирроза печени. Валентина навещала его, помогая всем, чем могла. Она не сумела спасти мужа, но сумела помочь Степану. Валя крепко взяла его под свое крыло, выбила пятиметровую комнатуху, похожую на кладовку в огромной коммуналке, устроила на мебельную фабрику, на которой сама работала, а главное – сумела донести правду-матку об алкогольной веселой жизни так, что отбила охоту к спиртному раз и навсегда.

– Боже мой, – воскликнул Степан. – Неужели это все было в моей жизни, тихого скромного ученика 14 школы, хорошего художника по дереву. Будто два разных человека. – Он тяжело вздохнул: – Не ведаем, что творим.

Глаза беременной девушки, невесты убитого, преследовали его всегда. Степан ходил в церковь, ставил свечи, просил прощения и не находил покоя в душе. Он потерял все ради какого-то пьяного куража и свободы. Видно, человеку надо пройти ад, чтобы начать стремиться к раю.

С Валентиной они оставались всегда только друзьями, помогая друг другу. Вот так и дотянули до пенсии, и отсчет времени пошел дальше, потихонечку приближая к границе, к переходу из одной жизни в другую, неизвестную. То, что там есть жизнь, Степан не сомневался. Ему во сне мать сказала: «Сынок, смерти не бойся, есть одна сплошная жизнь, только границу надо перейти достойно, налегке, без груза». А груз у него был, да еще какой! Смерть человека!

Лежал Степан и глядел на потолок, как на экран, где промелькнула почти вся его жизнь.

«Вот ведь оказия, Андрюшке уже сорок, а я его все маленьким вижу. Какой он сейчас, мой взрослый сын? Увидеть бы перед смертью. По головке погладить», – не спалось Степану.

Он прошел в чайную, достал из стола лист бумаги, взял ручку и написал:

«Дорогой Боженька, пишет тебе...» Кто пишет? Дедушка Степан или бывший рецидивист убийца – кто я?

Ком подступил к горлу. По морщинистому небритому лицу потекли слезы. Лист бумаги был смят и брошен в корзину. Так Степан и не смог попросить то, чего хотел больше всего на свете – свидания с сыном.

Глава 8

На темной ткани, сотканной Создателем, Луна выглядела, как магнит, манящий в неизвестное, в неведомое. Она то куда-то пропадала, то выплывала, проливая свой свет на всех находящихся внизу. Уже скоро, совсем скоро все изменится, свет поглотит темноту и завладеет пространством. Начнется новый день, даруемый Всевышним. И каждый человек будет проживать его, следуя или за удовольствиями, обманывая себя и других, или за сердцами.

Вот и оно – светило. Выкатив себя на всеобщее обозрение, озарило все и всех, лукаво улыбаясь. «Ну, что, люди, вперед! Кто зачем, поторопитесь, ведь жизнь-то у вас не больно велика».

Лучи пробежали по почте, проникая в ящики с письмами, в которых только одно было обращено к Создателю.

Лиза заглянула в кабинет Петра Васильевича.

– Опять письмо!

– Какое?

– К Богу, – она растеряно протянула конверт шефу.

Он взял, покрутил в руке, посмотрел на свет и даже почему-то понюхал и со вздохом вернул обратно Лизавете.

– Не знаю я, что с ним делать. Жалко парня, да помочь мы ничем не можем.

– Ну, давайте, хоть почитаем. Может, там уже все наладилось.

– Нет, не наладилось, иначе не написал бы. Вот ведь дожили!.. Дети письма Богу писать стали. Иди Лиза, иди, некогда, работы много.

Глава 9

В маленькой комнатухе, с прелестным названием «чайная» небольшой штат сотрудников почты слушал Лизавету. Она проникновенно, с сопереживанием читала письмо к Богу. Слезы текли по ее щекам и шее, пропадая где-то под кофточкой.

Из простого листочка в клеточку вылетали слова, взывающие к помощи, посылающие сигнал SOS.

«Любимый Боженька, маму положили в больницу... Говорил же я ей, чтобы не курила. Папу никто не может найти. Говорят, у него медовый месяц. Я не знаю, что такое медовый месяц. С нами тетя Рита, мамина далекая сестра. Она все время ворчит. Мы ей все планы испортили. Боженька, а учительница опять ругалась. Она говорит, что нам с Ванькой надо в класс для умственно отсталых. Мне, Боженька, не хочется ходить в школу. Когда она меня спрашивает, у меня все в голове темнеет. Я боюсь! Боженька, помоги маме и найди папу. Может, он мед уехал собирать, раз медовый месяц у него? Боженька, пусть только пчелы его не покусают, а то тоже в больницу попадет. Любящий тебя Никита».

– Господи, – заголосила тетя Валя. – Ну, помоги Никите.

Петр Васильевич прошелся туда-сюда по маленькой территории и резко спросил у Лизаветы:

– Ты куришь?

– Да.

– Бросай срочно! Негоже женщинам курить.

– Прав Васильевич, и ты, Светка, заканчивай с дьявольскими привычками, – тетя Валя поднялась с кресла, как глыба. – Я понятно говорю?

– При чем тут мы?! Вы что, тетя Валь?

– Какого рожна вы курите, отравляя свой организм и подавая пример детям, а? А ну, отвечай, – Валентина нависла над Светой, как туча. – А ну, как перед Богом отвечай. Что за жизненная необходимость в сигаретах, в вине, а? Твой Стас, небось, уже тоже курит. Пример-то перед глазами.

– Да вы что, мой Стас не курит, вообще это мелочи, – пыталась возразить Светка.

– Из мелочей жизнь складывается. У женщин не должно быть никакого оправдания дурным привычкам. Вон как малец переживает, что мать курить начала. Маленький, а знает, что плохо, вредно. А вы, большие лошади, не понимаете. Мелочи....

– А у меня вообще нет детей, и неизвестно, будут или нет, – Лиза вся раскраснелась и, как школьница, вскочила со стула.

– Права Валентина! Вы женщины, и нет чужих детей. Все дети наши. Это будущее.

– Конечно, Вы всё на нас сваливаете, – закричала Света, обиженная таким напором, – а мужики не при чём?

– При чём, но очень много зависит от женщин. Пусть мужик будет голова, а вы шея. Вот и учитесь шей работать, чтобы наши головушки вертелись в нужном направлении.

– Красиво говорите, Пётр Васильевич, голова, шея, а в жизни всё сложнее, иногда и шею сворачиваешь, а толку никакого. А я что не пыталась? А муж всё-таки ушёл.

– Здесь ещё мудрость нужна, как инструкция к шее. Сложный вопрос – не спорю. У нас что не семья, то проблема. Вся ответственность за детей на женщин ложится. Как ни крути, вы, бабоньки, за детей отвечаете. Так что, Светик, следи за своим Стасом в оба глаза, а не одним, пока не поздно. – Пётр Васильевич налил себе воды из чайника и залпом выпил.

Вера Петровна сидела тихо в своем уголке, ни разу не вступив в спор. Она не любила эмоциональные разговоры, но это тема и ее вывела из равновесия.

– Успокойтесь, Светочка. Наверное, нам надо что-то сделать, раз письма на нашу почту попали. Это ведь не просто так. Через этого мальчика мы должны что-то понять. Сделать все, что в наших силах, раз уж мы вместо Бога эти письма читаем.

– Что мы можем исправить? Мы даже не знаем, где он живет, учится.

– Лизонька, нам этого и не надо знать. Мы просто сами должны стать лучше, чем мы есть.

– Если бы я знала, хотя бы школу, я бы этой учительнице мозги прочистила. Это ж надо... для умственно отсталых... в интернат. Да она этому Никите в подметки не годится. Он вон письма Богу пишет, а она его в дебилах держит, – Валентина ударила кулаком по столу. – Надо действовать!

– Что делать-то? – спросила Лиза.

– Еще не знаю, но Вера права. Это нам знак.

Дверь приоткрылась, и Степан просунул свою лысеющую голову.

– Вы чего, бабоньки, кричите на всю почту? Там уже люди столпились. Обед-то закончился. Проблемы серьезные решаете?

– Серьезнее не бывает, Степан. Катимся мы по склону в пропасть.

– Да ты что, Васильевич. В какую пропасть? Кто катится?

– Человечество, – грустно и безнадежно ответил Пётр Васильевич.

– А я подумал наша почта.

– А мы с ним заодно.

– С кем?

– Да с человечеством, Степан.

Глава 10

Вот уже несколько дней Светлана кипела, как чайник. Гнев и раздражение наполнили ее до самой макушки.

Все были какие-то озабоченные, молчаливые и не обращали внимания на бурлящую Светлану. Тетя Валя, сделав свою работу, молча убежала на другую. Лиза вообще перестала разговаривать с коллегами, Пётр Васильевич погрузился в работу. Только одна Вера Петровна вяло пыталась развеять сложившуюся атмосферу.

Наконец-то закончился рабочий день, и Света вылетела с почты, как пробка из бутылки шампанского. Ее болезненное самолюбие кричало от обиды. Гордыня, как гремучая змея, готова была ужалить любого.

Споткнувшись о камень, Света выругалась, зашла в магазин, купила банку пива и, устроившись на скамеечке, закурила.

«Плохая мать, видите ли. Позаботься о своем сыне... пока не поздно. А я что делаю? Из кожи вон лезу, – обидно было Светке. – А еда... Они хоть понимают, сколько ест подросток. Идиоты. Можно подумать, я какая-то пьяница, проститутка. Как они посмели! Уволюсь. Завтра напишу заявление об уходе».

Допив пиво, она швырнула банку в сторону урны, туда же полетел и окурок. Быстрым шагом Светка направилась через лесопарк домой. Там было тихо, спокойно, только вдалеке шумела компания подростков. Света почему-то свернула с дорожки и направилась к ним. Ребята сидели тесным кружком, как желторотые воробьи, на двух скамейках, пили пиво, курили и матерились, кто во что горазд. Она услышала знакомый голос, не просто знакомый, а родной, единственный во всем мире, ругавшийся отборным матом. Стас сидел на спинке скамейки, возвышаясь над ребятами, с сигаретой в руках. Ее Стас, которому недавно исполнилось 12 лет, которому она отдавала самое вкусенькое, сейчас смотрелся, как сын какой-то божихи, пьяницы.

Слёзы хлынули из глаз Светки. «Это что же, они все были правы? А я, слепая дура, плохая мать?»

– Стас, а ну, иди сюда, – закричала она на весь парк.

Стас нехотя бросил окурок и подошел к матери.

– Пошли домой.

– Еще рано.

– Домой... там поговорим о твоём поведении.

Он молча плелся за ней, опустив голову. Света шла впереди, глядя по сторонам. Ей было стыдно за сына, за себя и за тех мамаш, которые гуляли в парке со своими малышами, не выпуская сигарет изо рта. Они щебетали друг с другом, обсуждая проблемы, детей, мужей, общества.

И никто из них не допускал даже мысли, что самая большая проблема в них самих.

Глава 11

Лиза подходила к дому, когда зазвонил мобильный.

– Алло, привет, Толик. Приедешь сегодня к маме?

– Лиза, не могу. Занят... дня через три, не раньше, работы полно, – как приговор, прозвучал деловой голос брата.

– Она же меня сожрет, – Лиза присела на скамеечку.

– А ты не давай себя жрать, уже далеко не девочка. Цыкни, и все.

– На нее цыкнешь. Все хуже и хуже становится. Домой идти не хочу. Толь, ну приезжай хоть на полчаса.

– Лиза, не могу. Понимаешь это слово, а? Все, пока, сестричка, целую.

Лиза достала сигареты, закурила. «Ну как здесь бросишь эту привычку. Легко им говорить, – ей стало обидно, что все учат ее, как жить. – Мне уже почти тридцать, что хочу, то и делаю. Господи, как мне домой идти не хочется, а ведь пойду, куда я денусь».

Она встала со скамейки и пошла не спеша к подъезду. Лиза вспомнила, как она бегала здесь девчонкой – беззаботной, веселой, мечтавшей о будущем. «И вот оно мое будущее».

– Мам, это я. Толик не приедет сегодня. Занят.

Мать выкатилась из кухни на своем кресле, как туча.

– Я так и знала. Кому я больная нужна? Никому! Я на вас всю жизнь потратила, а что в итоге? Смерти моей хотите?! Не дети, а сволочи! Никакого сострадания к болезни матери!

Лиза молча прошла на кухню, молча стала вынимать продукты из сумки, стараясь не обращать внимание на материнское ворчание.

– У Толика, небось, одни девки на уме, а не мать родная.

– Включить телевизор?

– Ты мне телевизором рот не затыкай. Надо будет, сама включу, небось, у себя дома, а не в гостях. Я здесь хозяйка пока. Моя квартира! Вы хотите меня со свету сжить и квартирой завладеть. Вот вам фигу. Уродов вырастила.

Мать, размахивая руками, выдвигала все новые и новые обвинения своим детям. Лиза глядела на нее и не понимала, что происходит, кто сидит в кресле. Человеком ее назвать сложно, а уж матерью тем более. Просто существо неизвестного происхождения. Лиза машинально достала из сумки сметану, и вдруг изо всех сил бросила о стенку. Изнутри вырвалось пламя, которое давно сжигало ее.

– Замолчи! Я сказала: замолчи! Ненавижу! Это ты – моральная уродка! Ты не мать, ты убийца!.. Ты убиваешь меня каждый день! Я ненавижу тебя! Я не хочу идти в этот дом, провались он пропадом вместе с тобой.

Лиза кричала, смахивая все, что попадалось под руку.

– Ты не хочешь умирать! Зато я не хочу больше жить, – она вскочила на табуретку, открыла настежь окно. – Мне все надоело! Мне надоело жить с тобой, вечно недовольной всем. Избавишься, наконец-то, от дочки-сволочи. Пусть за тобой чужие тетki ухаживают!

Лиза поставила ногу на подоконник. Голова горела, как раскаленные угли, в глазах сверкали точки – черные, белые, серебристые... Еще мгновение и... Но нога соскользнула с подоконника, и Лиза рухнула на пол.

Мать, застывшая в ужасе, не издала ни звука. В области солнечного сплетения появился болезненный незнакомый холод, который затягивал ее куда-то, и она потеряла сознание.

Маленькая иконка Девы Марии, висевшая в уголке, покачнулась. Глаза Святой Матери смотрели с печалью на события, развернувшиеся в маленькой кухоньке с самыми близкими на свете людьми. Мать – дочь, дочь – будущая мать! Какой она будет матерью? Что передают друг

другу самые близкие по крови люди? Что? Любовь или ненависть? Что унаследуют дети детей? Любовь или ненависть? Внуки, правнуки, «потомки» – все участвуют в этой сцене. Сейчас и сегодня. Кто будет виноват в несчастьях, идущих по роду? Кто несет за все это ответственность? Мать! Мать, дарующая жизнь своему чаду. Мать, наделенная Творцом необыкновенной силой творчества. Мать, продолжавшая род человеческий. Ибо ей дана эта роль – рождение человека, и она обязана привести своих чад в лоно Творца, вернув Создателю свою работу без брака и поломок.

Глава 12

Степан вышел на прогулку, загруженный пакетиками с едой для бездомных собак. Это было у него одно из покаяний – кормление животных. Он замаливал свой грех по-своему. Отрабатывал свой груз, как мог.

– Жучка, Жучка... Вот ты где, милая, забилась, не достать. Где твои-то, а? Хвались, давай, потомством.

Жучка вылезла из небольшой щели сарая, виляя хвостом и радостно повизгивая.

– Господи, какие же у вас, собак, глазища-то. Ну, на вот, ешь. Тебе сейчас надо сил набираться, кушать за пятерых.

Степана окружили четыре лохматеньких щенка. Жучка глотала куски хлеба, щедро намазанные печеночным паштетом и маслом, следя краем глаза за своими детенышами. Она все понимала и чувствовала каждого человека, проходившего мимо. К кому можно подойти поластиться, попросить кусочек, а к кому и близко приближаться нельзя – укусит.

– Ну, вот и ладненько, вот и хорошо. Сейчас молочка вам налью. Это необходимо для силы и здоровья. Мой Андрюха ох как любил молоко с краюхой хлеба. У него, наверное, тоже дети есть. Я ведь дед, небось. Пей, пей, миленькая ты моя Жученька.

Он лил молоко из бутылки в ржавую банку, а собака на лету ловила струю, радостно махая хвостом, как веером.

– Ну ладно, пошел я, дела у меня еще. Тут малец один письма Богу пишет. Может, еще написал, пойду узнаю, а ты, давай, иди, корми своих собачат. – Он погладил Жучку и медленно зашаркал в сторону почты. – «Ишь ты, весна уж совсем началась. На могилку к родителям надо уже сходить. А Серега так и не появлялся, а может, и появлялся... Нет, я бы заметил. Тридцать пять лет ни слуху, ни духу. Может, уж и в живых нет. Повидаться бы, брат всё-таки».

На пороге почты Светка доставала письма из ящичков.

– Здравствуй, Светик – семицветик, а Лиза-то где?

– У Лизы мать в больницу попала, да и она сама заболела. А ты чего пришел с утра пораньше?

– Да подумалось, может, опять письмо пришло.

– Кому письмо-то, тебе что ли?

– Да не мне, Богу.

– А ты-то тут причем?

– Ну, я это... сопереживаю.

– Ну, ладно, сопереживатель, пойдем, посмотрим. Заодно поможешь рассортировать, а то без Лизки тяжеловато.

– Что-то серьезное с матерью-то? – Степан тщательно вытер у порога ноги.

– Да там давно все серьезно. Видать, совсем Лизку достала. Обе и свалились. О, тетя Валь, привет.

– Здравствуй, Светлана. Степан, чего так рано-то? Мне помогать пришел?

– Да, если нужно, давай, говори, что делать, я готов.

– Тетя Валь, в туалете банка разбилась, которая у раковины стояла. Убери, пожалуйста.

– Да убрала уже. Письма от парня нашего нет?

– Еще не знаю, – Светлана за несколько дней пересмотрела многое в себе и была как никогда смиренна. Вытряхнув все письма на рабочий стол, она молча начала сортировать конверты. Валентина со Степаном присели рядышком.

– Ну и нюх у тебя, Степан, как у твоих подопечных собак. Вот оно – письмо Богу.

Глава 13

«Дорогой Боженька. Вчера выписали мою маму. Она написала расписку, так не выпускали. Тетя Рита сказала, что ей ремня надо дать хорошего. Нельзя нервы распускать, когда дети маленькие.

Машка заболела. У нее появились сильно красные пятна. Она чешется, плачет. Нужны дорогие лекарства, дешевые не помогают, а денег нету.

Боженька, я знаю, что у тебя много забот. Земной шар ведь очень большой. У нас, наверное, хорошо, по сравнению с голодной Африкой. Но если у тебя будет немножко времени свободного, помоги. Я папу каждый день жду, и Машка ждет, она еще не понимает, что он нас предал. И еще я не хочу, чтобы моя мама курила. Она и так очень слабенькая. Боженька, ты, наверное, устал от наших дел человеческих. Береги себя, свое здоровье. Я тебе нарисую картинку. Можно? Спасибо, твой Никита».

Все молчали. Говорить не хотелось. В этот раз было у всех такое ощущение, что сам Бог присутствовал при чтении письма. Как будто Светлана читала ему, а не сотрудникам.

Громогласная тетя Валя быстро оделась и ушла. Степан посидел в задумчивости, выпил чашку чая и тоже побрел к выходу. Петр Васильевич забрал все письма и размножил. А Вера Петровна тихонечко всплакнула, вспомнив соседских ребят: «Им ведь тоже не сладко. Надо будет Варьке ключ от дома дать. Мало ли что».

На почте было как-то непривычно тихо. Даже посетители сегодня вели себя смиренно. Незаметно приблизился конец рабочего дня, и все быстро опустело.

Глава 14

Старенький Жигуленок припарковался недалеко от пристани. Выйдя из машины, Петр Васильевич огляделся и, увидев на скамейке сына, помахал ему рукой. Николай лениво, развалив свое тело, наблюдал за отцом. «Сдаёт старик, вон уже и прихрамывать стал больше и ссутулился. Да, время идет, надо бы почаще их навещать».

– Привет, батя.

– Привет, сын.

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего особенного, – Петр Васильевич присел рядом с Николаем. – Хорошо выглядишь, сынок.

– Стараюсь, хожу в клуб, качаю мышцы. Ты приучил.

– Это хорошо, а Сашку водишь?

– Да его Танька на плавание водит. Мне некогда.

– Понятное дело, две семьи и работа. Танька-то как, терпит?

– Я, батя, ей все сказал. Но из-за Сашки пока дома торчу.

– Как это торчишь? Гвоздь что ли? Вытащат – уйдешь, не вытащат – останешься.

– Да не придирайся. Самому все надоело. Скоро Сашку к бабе Гале отправим.

– И тогда ты свободен от сына будешь. Да?

– Ну, так вроде получается.

– Я тебе морали сейчас читать не буду, бесполезно.

– Это почему же бесполезно? Я что, совсем пропащий?

– Сердце твое закрыто. На вот, почитай, – он протянул сыну листочки бумаги. – Почитай, сынок, эти письма.

– Что за письма, кто пишет?

– Сын чей-то, брошенный отцом. Может твой! Пишет Богу, а к нам на почту приносит. Почитай и подумай. Возвращать не надо.

Николай как-то съежился. Мышцы непроизвольно среагировали на слово Бог и создали напряжение во всем теле.

– Так прямо Богу и пишет?

– А кому еще писать? Самые близкие люди оказались слабыми, предателями. Ну, бывай, сын.

– Как мама-то?

– Ждет тебя, а в остальном ничего.

Николай смотрел на удаляющуюся фигуру отца с раздражением.

– Как некстати какие-то письма. Лучше бы отругал. Это надо же додуматься – принести письма к Богу. Тьфу ты, бред какой-то. Мне бы разобраться со своей жизнью, – и он развернул первое письмо.

Глава 15

Николай с Татьяной прожили почти десять счастливых лет, а несколько месяцев назад он встретил Ольгу. Близкий друг пригласил их в гости. Татьяна осталась дома с больным сыном, а он пошел один, то ли на свое горе, то ли на свое счастье. И встретила его там молодая, красивая, свободная женщина. Сердечко застучало, жаркая волна ошпарила и сконцентрировалась внизу живота, не отпуская ни на минуту в течение всего вечера. «Ух, ты. Вот это состояние, – подумал Николай. – Давненько ничего подобного не было».

Хотелось прижаться к объекту вождления, целовать, обнимать со всеми вытекающими последствиями. Он говорил какие-то волнительные слова ей на ушко, а внизу все гудело, кричало, звало, завлекая в сети, в ловушку. «Попалась пташка-дурашка. Ну, теперь пеняй на себя», – и все сначала, как десять лет назад, когда пламя сжигало их с Татьяной, не давая дышать друг без друга. И казалось, такого состояния не будет больше никогда и ни с кем. А нет, оказывается, бывает и даже очень часто у некоторых любвеобильных существ. Надо отдать ему должное: девять лет он любил только свою Таньку. Один раз у него случился флирт с девушкой легкого поведения. Он даже не запомнил, как ее зовут. Зашевелилось тогда тоже внизу живота, заскребло, заныло, затуманив головушку, но друг Димка охладил его пыл, предупредив о последствиях этой порочной связи, и головушка отрезвилась. А приехав домой, он по полной программе оторвался со своей Танюшкой. И было ему здорово – хорошо, и он гордился собой, что устоял перед соблазном, и любил свою законную жену до самого рассвета.

Ольга не была девушкой легкого поведения и требовала к себе уважения. Она уже побывала замужем, прожив в браке 6 лет. Муж ушел к другой, оставив ей все, что нажили за время любви, – квартиру, вещи, мебель и шестилетнего сына. Так что Николаю было куда уйти, оставив также своей жене жилплощадь с нажитым имуществом, включая Сашку.

Николай читал письма, и волна раздражения охватывала его все сильнее. Его раздражал даже цвет бумаги, чуть-чуть сероватого цвета, непропечатанные слегка буквы и ребенок, который осмелился пожаловаться самому Богу на таких, как Николай. Он разозлился на самого Бога, на своего отца и на себя.

Выбросить письма Николай не решился, а аккуратно сложив, убрал во внутренний карман куртки. «Верну при случае отцу обратно», – решил он.

Глава 16

Вера Петровна открыла калитку своего дома, подошла к раскидистой стройной берёзке и прижалась всем телом.

– Теть Вер, вы что там застыли? – Варькина мордашка мелькнула за забором.

– Здравствуй, Варвара-краса, длинная коса. Это я так со своим другом здороваюсь.

– Ничего себе дружок. Она же девочка.

– А ты откуда путь держишь?

– После школы у пристани посидели с ребятами.

– Заходи, Варюха, чаем угошу с вкусным кексом.

– А Ваську можно взять? Он страсть как вкусное любит.

– Ну, конечно же, тащи его сюда, – Вера Петровна прошла в дом, открыла холодильник и выгребла из него все съедобное, понимая, что ребята наверняка голодные и кексом не обойдётся.

Стол получился хорошим. Тосины пироги пришились очень кстати. Жена Петра Васильевича часто передавала ей свои шедевры. Они сдружились после совместной поездки в дом отдыха «Дружба». Она присела на стул и стала ждать ребят. Прошло почти полчаса, и у Веры защемило в груди. «Пойду, узнаю, в чем дело», – она быстро накинула куртку и выскочила во двор.

Дверь Варькиного дома оказалась открытой нараспашку. Вера, постучав, вошла вовнутрь.

– Есть кто дома?

Просторная кухня была прибрана, пустые чистые кастрюли возвышались горкой на крошечном столе, а открытый пустой холодильник говорил о полном отсутствии еды.

– Варя, ты дома? Варь, а Варь?

Она прошла в комнату и застыла на месте. На полу лежала неподвижно мать Варьки с веревкой на шее, а рядом сидела ее дочь, бледная, с трясущимися руками и стеклянным взглядом.

– Варька, что случилось?

Вера схватила безжизненную руку Нины и стала прощупывать пульс.

– Нет... Надо вызвать неотложку и милицию. Где у вас телефон?

Варя не реагировала на слова Веры Петровны, и той пришлось бежать домой. Вернувшись, она подняла Варьку с пола и пересадила на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.